

погибли броненосцы: «Князь Суворовъ», «Бородино», «Ослябя», крейсеръ «Ураль». Броненосецъ Императоръ Александръ III имѣлъ сильныя поврежденія. Въ началѣ боя раненъ генераль-адъютантъ Рождественскій, который свезенъ на другое судно. Послѣ отдѣленія моего крейсера отъ эскадры, съ наступленіемъ темноты бой возобновился. Результаты ночного боя неизвѣстны. Крейсеръ «Алмазъ», отрѣзанный отъ остальной эскадры, прорвался во Владивостокъ.

По дополнительнымъ, полученнымъ отъ командира крейсера «Алмазъ» черезъ командира Владивостокскаго порта, свѣдѣніямъ, во время дневнаго боя транспортъ «Камчатка» имѣлъ весьма серьезные поврежденія. «Алмазъ» былъ отрѣзанъ отъ эскадры и затѣмъ, не будучи въ состояніи присоединиться къ ней, пошелъ во Владивостокъ. На «Алмазъ» убитъ лейтенантъ Мочалинъ и 4 нижнихъ чина, ранено 10 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 3 очень тяжело.

Свѣдѣній о томъ, кто изъ личнаго состава погибшихъ судовъ спасся, и кто погибъ, не имѣется.

Наши плѣнные въ Японіи.

Заемствуемъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ небольшими сокращеніями нижеслѣдующія письма изъ Японіи, рисующія настроеніе нашихъ «плѣнныхъ» братьевъ и ту неоцѣнимую духовную помощь, которую оказываютъ имъ пресвященный Николай, этотъ истинный апостолъ Японіи и вѣрный служитель Христовъ.

«Пресвященный Николай, начальникъ Россійской духовной миссіи—

нашъ утѣшитель въ плачевной долѣ, попечитель и молитвенникъ, пишетъ лицо, доставившее эти письма. Я прилагаю при семь его портретъ и письмо, которое онъ прислалъ ко мнѣ,—изъ него можешь видѣть, какъ печалится о насъ и поддерживаетъ насъ этотъ духовный пастырь.

По собственному желанію, онъ остался и не уѣхалъ на родину по объявленіи войны, чтобы исполнять, какъ онъ говоритъ, свой священный долгъ... Самъ онъ, какъ русскій, къ намъ доступа не имѣетъ, но за то присылаетъ, для совершенія богослуженія, японскихъ священниковъ; нѣкоторые порусски совершаютъ таинство.

Около 40 лѣтъ этотъ великій по своимъ убѣжденіямъ, твердый мыслью и свѣтлый душою человекъ трудится на пользу православія: сколько ему пришлось переиспытать,—одному Богу извѣстно! Его заботами и стараніями, на пожертвованія, главнымъ образомъ, полученные изъ Москвы, сооруженъ въ Токио православный соборъ. Описание его съ фотографическими снимками внутренняго вида и наружнаго,—даръ его каждому военно-плѣнному офицеру,—я тебѣ пришлю.

Хотѣлось бы, чтобы объ епископѣ узнали въ русскомъ обществѣ и оцѣнили его по-истинѣ-трогательное отношеніе къ намъ и заботы о насъ.

Былъ я разъ у обѣдни въ молитвенномъ домѣ въ Сизуокѣ: Боже мой, что за бѣдность! При видимой непреклонной убѣжденности и дѣтской вѣрѣ прихожанъ, напоминающей служенія въ катакомбахъ,—и обстановка-то такая же почти, какъ во времена гоненій! И тутъ же, въ Сизуокѣ, красуется великолѣпный каменный католическій костелъ... Вотъ бы куда надо не жалѣть пожертвованій ревнителямъ православной вѣры, вотъ гдѣ каждый грошъ далъ бы возможность этому апостолу

нашихъ дней обильно сѣять доброе сѣмя среди язычниковъ...

Всѣмъ унывающимъ совѣтоваль бы я вспомнить слова Александра II въ письмѣ къ Горчакову послѣ взятія Севастополя; можетъ быть, они образумятся:

«Не унывайте, а вспомните 1812 годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара Московскаго побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы—тѣ же Русскіе, и съ нами Богъ!»

А я прибавлю: вспомните, чѣмъ начинается для насъ каждое столѣтіе съ самой заря нашей политической жизни. 17-е—Смутное время, 18-е—Сѣверная война, начавшаяся такъ плачевно, 19-е—Наполеоновскіе погромы, Аустерлицъ, Фридландъ, нашествіе двенадцати языковъ и пожаръ Москвы. А чѣмъ все это кончалось? А отчего? Оттого что духъ нашъ былъ силенъ...

Мнѣ стало даже странно. Совершенно незамѣтно для себя, я, который въ своемъ положеніи нуждаюсь самъ въ поддержкѣ и утѣшеніи, сталъ ободрять тебя. Потому это вышло, что собственное растроенное и издерганное душевное состояніе забывается, когда думаешь о Россіи; потому, что отъ того, что мы переживаемъ, ничего не зависитъ, а отъ духа, энергіи и бодрости русскаго общества зависитъ все. Анаемъ надо предать того, кто въ эти тяжелья минуты государственнаго испытанія,—маскируясь ли такъ или иначе, или открыто,—сѣтъ рознь, пререканія и междусобія на нашей родинѣ...

Крѣпко цѣлую...

Сивуока. 3 марта 1905 г.

Письма епископа Николая
плѣннымъ офицерамъ.

14 декабря 1904 г. Токіо, русская
духовная миссія.

Высокоуважаемый Константинъ Васильевичъ!

Давно не имѣлъ вѣсточекъ отъ васъ. Думаль, вы переберетесь поближе сюда, въ Сидзуока, но васъ въ извѣстіяхъ не видно. Почему тамъ остались? Ужъ не связаны ли съ госпиталемъ? Но вамъ давно пора вполне оправиться отъ раны. Извѣстите пожалуйста о себѣ.

Нынѣ я посылаю къ вамъ два ящика книгъ, присланные изъ С.-Петербурга и изъ Севастополя,—отъ кого, и какія книги, увидите въ спискѣ, препровождаемомъ мною къ Николаю Ивановичу Мерчанскому. Въ письмѣ къ Николаю Ивановичу я, между прочимъ, сѣдую на то, что онъ, какъ слышно, очень груститъ. Вѣроятно, и вы въ томъ повинны. Но если такъ, право же, вы съ Николаемъ Ивановичемъ будете за это отвѣчать предъ Богомъ. Вы должны всячески крѣпиться и хранить бодрость духа, разъ чтобъ сохранить себя для вашихъ дорогихъ семействъ и для дальнѣйшей службы Отечеству, а потомъ,—и это въ вашемъ положеніи особенно важно,—чтобы подавать примѣръ терпѣнія и бодрости молодымъ офицерамъ, которыхъ вы съ Николаемъ Ивановичемъ естественные начальники и руководители тамъ.

Слышно, что нѣкоторые отъ тоски съ ума сходятъ. Какая слабость! Вѣдь это же стыдъ для военнаго человѣка, обязательныя качества котораго—твердость духа и мужество. Сдумали показать чудеса храбрости противъ внѣшняго врага; съ безавѣтною смѣлостію шли на встрѣчу тысячѣмъ смертей и, почти всѣ израненные и облитые кровью, остались въ живыхъ именно только по волѣ благаго Промысла; а теперь

слабѣють и преклоняются предъ вѣмъ? Предъ мечтой, предъ собственнымъ образомъ! Потому что тоска и печаль—чтѣ же? Не мечта ли? Вообразите что-нибудь другое, настройте мысль иначе,—и расположеніе духа совсѣмъ измѣнилось. Гдѣ печаль? А нѣтъ ея!

Итакъ, пусть скучающіе и тоскующіе возымѣютъ намѣреніе не скучать и не тосковать,—вотъ ужъ половина дѣла и сдѣлана; затѣмъ пусть задумаютъ себѣ работу: читать, писать, сочинять, изучать что-нибудь, и пусть дѣйствительно займутся,—печаль какъ рукой сниметь. Развѣ нѣтъ у человѣка воли, чтобъ исполнить все это, такое простое? Зря отдаться теченію мыслей, безъ паруса, безъ руля,—это, конечно, Богъ знаетъ, куда уплывешь...

Вы сами все это знаете во сто разъ лучше меня. Но исполняйте же то, чтѣ знаете: во-первыхъ, сами будьте благодарны, бодрѣ, свѣтлы духомъ; во-вторыхъ, убѣждайте быть такими молодыхъ офицеровъ, особенно тѣхъ, кто склонны чрезмѣрно, губительно для себя, грустить и тосковать. Господь да поможетъ вамъ въ этомъ, и Онъ непременно поможетъ, если вы, со своей стороны, будете дѣлать то, чтѣ отъ васъ зависитъ!

А вотъ и другая просьба къ вамъ. Прочитайте прилагаемое чрезвычайно-грустное письмо. Лицо, о которомъ спрашивается въ немъ, кажется, въ числѣ плѣнныхъ не находится. Но не можѣтъ ли кто-либо изъ г. офицеровъ сообщить какія-нибудь свѣдѣнія о немъ? Если окажутся свѣдѣнія, то будьте добры въ скорости сообщить ихъ мнѣ, а я здѣсь еще освѣдомлюсь въ Военномъ Министерствѣ. Быть можѣтъ, кое-что болѣе опредѣленное и успокоительное наберется сообщить сестрѣ г. Богдановскаго, такъ нѣжно любящей его. Письмо будьте добры

возвратить, — оно понадобится для справки въ Военномъ Министерствѣ.

Призывая благословеніе Божіе на васъ, остаюсь всею душою преданный вамъ и сердечно уважающій васъ, вашъ покорный слуга и богомолецъ,

епископъ Николай.

—

Русская духовная миссія въ Японіи. Токио. 25 февраля (10 марта) 1905 г.

Многоуважаемый

Сергій Николаевичъ!

Ваше задушевное письмо я читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ, и всегда съ глубокимъ душевнымъ движеніемъ и накапливающимися слезами.

Глубоко трогаетъ меня эта печаль ваша, съ одной стороны имѣющая причины, съ другой—совершенно безпричинная и напрасная. Печаленъ вашъ плѣнъ, печальна бездѣятельная нынѣшняя жизнь, и особенно у васъ, имѣющего призваніе въ дѣятельной боевой жизни,—кто же противъ этого? Но носить въ душѣ слово: «я погибъ, ибо плѣнъ—та же смерть, но смерть моральная», — Боже, какое это неразумное самоистязаніе, на подобіе тѣхъ истязаній, которые налагаютъ на себя индійскіе факиры! Откуда вы взяли эту мысль? Кто же и когда считалъ плѣнъ моральною смертію или безчестіемъ?

Да и нашъ Петръ Великій чуть не попался въ плѣнъ къ туркамъ, а Наполеонъ и умеръ въ плѣну, но развѣ это мѣшаетъ имъ быть великими, и развѣ это ставится имъ въ позоръ?

Вы пишете, что «дѣлали все, чтѣ подсказывало вамъ чувство долга и присяги»;—какимъ же неестественнымъ скачкомъ отсюда ваша мысль перешла къ «смерти—моральной»? Ваша совѣсть успокоиваетъ васъ, что вы «сдѣлали все»;—чтѣ же дальше? Обстоятельства,

которыми вы не распоряжаетесь, — которыми не могутъ распоряжаться и такіе гени, какъ Петръ Великій и Наполеонъ, — привели васъ къ плѣну, — вы-то въ чемъ же тутъ виноваты?

Не знаю, какъ было, но, вѣроятно, въ послѣдній моментъ произошло что-либо на подобіе того, какъ поступилъ Костюшко, бросивъ саблю и промолвивъ «finis», — только вы не прибавили: *Rossiae*, какъ Костюшко: «*Poloniae*», — и затѣмъ печально, но, замѣтите, съ совѣстью удовлетвореннаго всѣмъ сдѣланнымъ, вы отдались плѣну. Дальше, — плѣнная жизнь, конечно, не радостная; но въдѣ плѣнъ же не вѣчно, и даже не долго будетъ длиться; это — временная станція на жизненномъ пути, — неприятная, на подобіе одной изъ тѣхъ, на которыхъ вамъ, вѣроятно, приходилось ночевать при переѣздахъ въ Россію, гдѣ клопы и проч.; но, такъ или иначе переночевавъ на станціи, путникъ съ восходомъ солнца оставляетъ ее и, радостный, продолжаетъ свой путь, а на немъ и много прекрасныхъ видовъ кругомъ, и радостныя встрѣчи, и родной домъ и желанное дѣло впереди, — вотъ ваша программа!

Зачѣмъ же вы мысленно не разсматриваете ея и не утѣшаетесь ею, а неосновательно, безразсудно, безжалостно мучаете себя химерами воображаемой смерти? Не моральная смерть, или что-либо подобное васъ ждетъ въ Россіи, а почетъ, съ примѣсью, быть можетъ, еще большей нѣжности, чѣмъ какую встрѣтятъ возвращающіеся не изъ плѣна, а съ поля битвы.

Не вѣрите мнѣ? Вотъ вамъ слова изъ письма, только что вчера полученнаго мною; пишетъ извѣстный почтенный протоіерей Берлинской посольской церкви, А. П. Мальцевъ, отъ себя и отъ своихъ прихожанъ, препровождая сюда пожертвованіе свое и ихъ (1.500 марокъ) въ пользу плѣнныхъ: «Скажите

имъ, страдальцамъ, что мы носимъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, что они не забыты, дѣла и подвиги ихъ чтимъ, раны ихъ цѣдуемъ, и желаемъ имъ скорѣйшаго возвращенія въ нашъ родной край къ ихъ семьямъ».

Буквально выписываю и, откровенно говоря, пишу сквозь слезы.

Участь ваша истинно трогательна, но для всѣхъ и всякаго тоже истинно почтена; такова она нынѣ, такова будетъ во всю вашу жизнь. А жизнь ваша еще почти вся впереди; вы еще въ періодѣ вашей цвѣтущей молодости, вы можете строить великолѣпные планы на будущее, съ полною надеждою осуществленія ихъ. Умудренные опытомъ, вы можете и въ направленіи вашего призванія послужить много и славно, — чего и дай вамъ, Господи!

Итакъ, ободритесь, не грустите очень, и терпѣливо переносите ваше теперешнее положеніе, съ свѣтлымъ взглядомъ на будущее! Господь да поможетъ вамъ въ этомъ!

«Перевести японскій текстъ альбома Токійскаго собора на русскій», — простите, — не могу: слишкомъ много времени потребовалось бы. Я и въ Святѣйшій Синодъ, при отчетѣ о расходахъ миссіи, отослалъ эту книгу, вмѣстѣ съ другими, изданными въ прошедшемъ году, совершенно такъ, какъ она есть, безъ всякаго перевода.

Фотографическую карточку съ готовностію препровождаю, и считаю честью для себя, что вы пожелали имѣть ее.

Касательно вашей послѣдней просьбы: «написать нѣсколько словъ вашему отцу», — знаете, что пришло мнѣ въ голову сейчасъ, когда я перечитывалъ эти строки? Послать ему въ подлинникъ ваше письмо, — хотя мнѣ и жаль лишиться его, — и копию съ сего моего письма къ вамъ. Такъ и сдѣлаю!

Молитвенно призывая благословеніе Божіе на васъ, съ истинно глубокимъ

душевному уваженіемъ къ вамъ и съ искреннею любовью остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ

епископъ Николай.

Въ Американскомъ православномъ вѣстникѣ (№ 9) помѣщено слѣдующее письмо преосвященнаго Николая, епископа японскаго, къ преосвященному Тихону, архіепископу Алеутскому и Сѣверо-Американскому.

Преосвященный владыко,

Милостивый архипастырь и отецъ.

23 февраля—8 марта я получилъ ваше почтенное письмо и чекъ на двѣсти долларовъ, а вчера достигли миссіи 6 ящиковъ со свѣчами и книгами.

Приношу вамъ глубочайшую благодарность за ваши благотворенія. Получивши по вашему чеку здѣсь 403 енъ и 2 сень, я тотчасъ же заказалъ 3000 серебряныхъ крестиковъ и прочные шелковые шнуры къ нимъ, и по настоящее время 500 человекъ, по преимуществу больныхъ и раненыхъ въ госпиталь въ Мацуяма, уже обрадованы полученнымъ благословеніемъ.

Свѣчи пришли въ совершенной цѣлости; только по 20 свѣчей на фунтъ, не достааетъ 10 фунтовъ; вѣроятно, укладка вмѣстѣ съ свѣчами книгъ послужила причиною отсрочки до слѣдующей посылки: въ ящикѣ мѣсто оказалось до верха заполненнымъ книгами, и коробки со свѣчами некуда было положить.

Вашему доброму участливому почину должно быть, миссія обязана полученіемъ 10—23 марта изъ Петербурга, чрезъ французское посольство здѣсь, 1392 енъ 33 сень. Отъ кого, въ телеграммѣ не сказано; но она отъ французскаго посла въ Петербургѣ, и

деньги именно на церковныя свѣчи (cierges) ¹⁾.

Но сколько бы ни высылали, увѣ, свѣчей неостанетъ для всѣхъ не только въ Страстныхъ службы, но едва ли и на Пасху! Теперь уже сто тысячъ нашихъ военноплѣнныхъ здѣсь! Наказываетъ Господь Россію тяжкою казною, — прямо видно. Одна только и утѣшаетъ надежда, что это бичующая рука любящаго Отца, и значить, въ концѣ концовъ благо для Россіи. Тѣмъ не менѣе принимать удары тяжело. Здѣсь изъ-за военноплѣнныхъ душа изболѣлась. Гдѣ же удовлетворить ихъ духовныя нужды съ здѣшними средствами! Трехъ священниковъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи и знающихъ русскій языкъ діаконовъ экстренно поставили для служенія у военноплѣнныхъ, нарушивъ наше здѣшнее правило — ставить во священники не иначе, какъ по соборномъ избраніи. У всѣхъ священниковъ такое множество людей, — напримѣръ, въ Хаматера на двухъ священниковъ 25.000, — что нѣтъ ни-

¹⁾ Упомянутая владыкою сумма, помнится, выслана редакціей «Новаго Временн», и предварила собою длинный рядъ приношеній на ту же святыню дѣлу, какъ чрезъ посредство этой газеты, такъ и другихъ изданій и учрежденій. Радуюся за русское отзывчивое сердце. Радуюся за владыку Николая, страстотерпца. Радуюся и за всѣхъ намъ единоплеменныхъ страстотерпцевъ, изнывающихъ въ японскомъ плѣну. Грошки добрыхъ русскихъ людей, уже вырощеніе въ десятки тысячъ рублей, тамъ на чужбинѣ получать цѣну выше всякой дѣны. Такъ, краткій призывъ преосвященнаго Николая, сочувственный сочувственными строками нашего архипастыря, промчался изъ устъ въ уста, проникъ во всѣ уголки христіанской Руси, во всѣ сердца русскихъ людей, и еще разъ обновилъ въ русской душѣ великое сознаніе побѣждающаго тысячи миль, побѣждающаго моря и океаны, общенія всѣхъ истинно-русскихъ людей, собиравшихся пережить святые дни Страстей и Воскресенія Величайшаго Страстотерпца! И «пасхальное яичко-свѣчечка» согрѣло и утѣшило «страждующихъ и плѣненныхъ»...

Пусть и на этотъ разъ отзывчивыя редакціи русскихъ изданій повѣдаютъ нашей родной странѣ объ этомъ новомъ письмѣ владыки Николая, просвѣтителя японскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о судьбахъ, радостяхъ и печаляхъ нашихъ героевъ, заброшенныхъ въ далекий край.

какой возможности всѣхъ исповѣдать поодиночкѣ и приобщить, служба полныя литургіи только въ субботы и воскресенья Великаго поста. Поэтому пришлось дать разрѣшеніе на общую исповѣдь, форма которой, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ имѣющей на славянскомъ, здѣсь напечатана и разослана, и другое разрѣшеніе — служить литургіи Златоустаго и въ дни положенныя для преждеосвященной. На Пасху по одному яйцу французскій посланникъ обѣщаль доставить каждому военнопльнному на имѣющіяся у него изъ Россіи средства для нихъ, — хорошо, если и это будетъ исполнено. Миссія и японская церковь чѣмъ утѣшать бѣдныхъ плѣнниковъ въ Свѣтлый праздникъ? Поздравительную брошюрку изъ 8 листовъ, съ картинкой въ которой на бумагѣ будетъ поднесено красное яичко каждому, готовимся отпечатать въ ста тысячахъ экземпляровъ, — дай Богъ хоть это исполнить.

Къ счастью, религіозная свобода военнопльнныхъ здѣсь не стѣсняется. Японское начальство во всѣхъ мѣстахъ плѣнныхъ съ уваженіемъ относится къ священникамъ, и старается представить имъ удобства къ служенію. Отношеніе же народа къ религіи военнопльнныхъ характеризуется слѣдующимъ фактомъ: городская дума города Сякан, близъ Хаматера, состоящая изъ нехристіанъ, сдѣлала пожертвованія изъ городскихъ средствъ на постройку во дворахъ военнопльнныхъ въ Хаматера трехъ часовенъ, открытыхъ съ трехъ сторонъ, чтобъ совершаемое въ нихъ богослуженіе было видно для великаго множества стоящихъ внѣ богомольцевъ.

Самымъ военнопльннымъ предоставляется въ своихъ помѣщеніяхъ устраивать моельни, или церкви, какъ имъ угодно. Такъ генераль Александръ Викторовичъ Фокъ устраивалъ церковь въ своемъ помѣщеніи, въ Нагоя, для

себя и для многихъ тамъ. Теперь генераль Василій Ѳеодоровичъ Вѣлый въ другомъ помѣщеніи, въ Нагоя же устраиваетъ другую церковь для себя и тоже для многихъ. Генералы строятъ иконостасы, миссія снабжаетъ иконами изъ имѣющихся въ запасѣ; чего не достаетъ, то пишется миссійскими иконописцами. Служить въ этихъ церквахъ, и въ другихъ помѣщеніяхъ въ Нагоя, прѣбываетъ изъ Кеото священникъ, Кіевскій кандидатъ богословія, Симеонъ Мин; а когда его нѣтъ, служить по японски мѣстный священникъ, пѣвчіе же поютъ по-русски. Хоры пѣвчихъ по всѣмъ колоніямъ военнопльнныхъ превосходны. Въ Мацуяма, въ госпиталь, также устроена церковь усердіемъ благочестиваго капитана И. М. Шастина, и въ ней для нихъ литургія совершается по-славянски.

Запасъ большихъ богослужебныхъ книгъ совсѣмъ истощился, и въ послѣднее время вмѣсто Слѣдованной Псалтири или Большого Часослова приходится разсылать по колоніямъ малые молитвословы. Хорошо еще что есть, а также что напрестольныя Евангелія, служебники и требники имѣются, хотя все большею частію старыя книги, жертвованныя на миссію разными благочестивыми людьми въ 1880 году, когда я въ послѣдній разъ былъ въ Россіи; тогда я принималъ ихъ даръ только изъ уваженія къ ихъ усердію, не думая, что онъ будетъ полезенъ миссіи, а теперь много-много благодарностей послалъ имъ въ душѣ.

Съ истинною благодарностью получилъ я нынѣ отъ васъ 10 обиходовъ и 5 пасхальныхъ книжечекъ, и тотчасъ послалъ ихъ къ переплетчику, а потомъ разошлю по колоніямъ. По полученіи же ихъ обратно когда плѣнные будутъ возвращаться въ Россію, возвращу ихъ съ С.-Франциско, съ вели-

кою благодарностью за одолженіе; здѣсь онѣ будутъ совершенно бесполезны; вѣдь у насъ все пѣніе, и простое и партесное, а равно и пасхальное богослуженіе переведены и напечатаны по японски, и ничто славянское при богослуженіи не употребляется. Ещё разъ выражаю предъ вами искреннѣйшую благодарность за ваше истинно архипастырское участіе къ нашему положенію здѣсь и за помощь военноплѣннымъ, и прося вашихъ святительскихъ молитвъ и благословенія для себя, для Японской церкви и для военноплѣнныхъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію остаюсь

Вашего преосвященства покорнѣйшимъ послушникомъ и богомольцемъ.

Епископъ Николай.

Начальникъ Россійской духовной мисіи въ Японіи, Токио 17—30 марта 1905 г.

Святая Русь въ годину испытанья...

Святая Русь, въ годину испытанья
Склонись предъ Волею небесною святой!
О, тяжель твои великии страданья,
Но Богъ, Спаситель твой, невидимо съ тобой.
Онъ видитъ скорбь твою съ небеснаго Сіона,
Онъ, какъ бы Самъ, болитъ твоей страдальческой душой,
Ему издревле ты всегда была покорна
И Имъ сильна предъ жизненной грозой.
Взывай къ Нему единою душою,
Съ престомъ божественнымъ на подвиго-
вой
Иди, страдалица, тернистою тропою,
Господь, Спаситель твой, невидимо съ тобой!

Учитель Николай Скворцовъ.

Храмъ въ дер. Александровкѣ.—Освященіе собора въ г. Новочеркасскѣ.—Праздникъ Кирилла и Меодія въ Троице-Сергіевой лаврѣ.—Открытие Рязанскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ.—Магистерскій коллоквиумъ въ Кіевской духовной академіи.

Въ деревнѣ Александровкѣ близъ Царскаго Села при станціи «Александровской», по Варшавской желѣзной

дорогѣ, 25-го января 1904 года учреждено Александровское братство во имя Пресвятыя Богородицы. Деревня Александровка расположена въ 20-ти верстахъ отъ столицы, при станціи «Александровской» Варшавской желѣзной дороги, и представляетъ собою дачную мѣстность съ постояннымъ населеніемъ свыше 1.000 человекъ. Въ лѣтнее время число жителей значительно увеличивается, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе возрастаая. Среди многихъ этихъ удобствъ и благоприятныхъ сторонъ дачной жизни тѣмъ рѣзче давало себя чувствовать отсутствіе въ этой мѣстности храма Божія. Для удовлетворенія этой-то потребности и учреждено въ Александровкѣ братство во имя Пресвятыя Богородицы, главная задача котораго состоитъ, по уставу, въ томъ, чтобы изыскивать и собирать средства для сооруженія въ деревнѣ Александровкѣ храма въ честь Казанской иконы Божіей Матери, въ память событія явленія Ея пречистой иконы. Братству выдана шпуровая книга для сбора пожертвованій на сооруженіе храма въ деревнѣ Александровкѣ; предсѣдатель совѣта братства инженеръ П. И. Утѣшевъ пожертвовалъ драгоценныя сосуды для Евхаристіи; его замѣститель священникъ І. К. Лабутинъ обѣщаль соорудить на свой счетъ иконостасъ для будущаго храма. Средства въ Братствѣ къ 1-му мая собрано всего 1974 р. 80 к. А стоимость храма по смѣтѣ и проекту архитектора В. Д. Николи—не менѣе 15.000 руб., не считая внутренняго убранства. Для начала дѣла потребуется около 6.000 р. Замѣститель предсѣдателя, по порученію совѣта, сообщилъ о денежныхъ пожертвованіяхъ Государынѣ Императрицѣ и пригласилъ собраніе выразить докладомъ чувства благодарности Высочайшимъ жертвователямъ съ под-